

О бандитской послевоенной Москве, давке на похоронах Сталина и зоопарке

<http://oralhistory.ru/talks/orh-1905>

🎙 10 июля 2015

Собеседники

Лагарьков Андрей Николаевич, Чкалова Ольга Валерьевна

Ведущий

Сейбиль Наталья Владимировна

Дата записи

Беседа записана 10 июля 2015 и опубликована 26 июля 2016.

Введение

Академик Андрей Лагарьков вспоминает детство, маму певицу и актрису Московского театра оперетты, эвакуацию в татарскую деревню, голод, пленных немцев и возвращение в Москву. Послевоенное московское детство прошло на Кудринской площади, вблизи Зоопарка и гигантского строительства будущей высотки. Особенно примечательны детские воспоминания о нравах мужских школ и городской обстановке после амнистии 1953 года.

Наталья Владимировна Сейбиль: Андрей Николаевич, расскажите, пожалуйста, о семье, о детстве, о маме, папе...

Андрей Николаевич Лагарьков: Мама моя, впрочем, как и большинство из моего, будем так говорить, материнского рода (не большинство, но часть), — музыкальные люди. Отец инженер, он кончил Бауманский институт, по-моему, в 1929 году и принимал участие в строительстве Днепрогэса, канала Москва — Волга знаменитого, который сделал Москву, как это любят говорить, портом пяти морей. Как вы знаете, через короткое время после того как закончилось строительство канала, началась война, и он участник войны, фактически с первого дня до последнего. После этого он опять вернулся к профессии инженера-строителя, а мама была актрисой московского Театра оперетты. Родители мои давно уже умерли, в почтенном возрасте: мама умерла в возрасте девяносто один год, а отец, к сожалению, до семидесяти лет только дожил.

Дед мой со стороны отца был мастером «Трехгорной мануфактуры», мастером-электриком, при этом успешным. У него была большая квартира. У него не было высшего образования, но он был техником высокого уровня, и его уважали на «Трехгорной мануфактуре». Достаточно сказать, что уже в 1915 году у него был телефон на квартире, и владелец «Трехгорной мануфактуры» в 1915 году подарил ему автомобиль «Форд». Я с удивлением недавно об этом узнал.

Н.С.: А где семья жила в Москве?

А.Л.: Мой отец жил недалеко от «Трехгорной мануфактуры», теперь это недалеко от метро «Баррикадная». Это «Краснопресненская», известное очень место. «Трехгорная мануфактура», как вы знаете, там находилась. А мама моя родилась в Звенигородке, это на Украине. До восемнадцати лет ее родной язык был украинский, она говорила очень долго с сильным украинским акцентом. Когда попала в так называемую «Свободную оперу» в Москве, она постепенно избавилась от сильного акцента, но помнила украинский язык до конца своей жизни, говорила уже не очень хорошо, но понимала свободно. Ее сестра пела в Большом театре, другая сестра моей мамы уехала вместе с Шаляпиным за границу в 1925 году, по-моему, и там пела и в «Берлинер-опере», в «Ла Скала», и в «Гранд Опера». Она была известная певица, и ее и портреты, и сведения о ней имеются в Музее Вахрушева, по-моему, так называется?

Ольга Валерьевна Чкалова (жена А.Н. Лагарькова): Бахрушина.

Н.С.: Бахрушинский.

А.Л.: Бахрушина, да. Где-то на Таганке, да?

Н.С.: А как ее звали?

А.Л.: Липина, Анна Липина ее сценическое имя.

Н.С.: Нет, это на «Павелецкой».

А.Л.: На «Павелецкой». Ну да, недалеко от Таганки. Посередине как раз, с правой стороны.

Н.С.: Нет, ближе к «Павелецкой».

А.Л.: С правой стороны, если ехать по Садовому кольцу. Я знаю, где это. Бахрушина, именно так*. Вот я кратко сказал о своей семье. У мамы моей было очень много братьев и сестер. Сейчас уже нет никого в живых.

* Государственный центральный театральный музей имени А.А. Бахрушина находится по адресу Москва, ул. Бахрушина, 31/12, около станции метро Павелецкая.

Н.С.: А как маму звали?

А.Л.: Екатерина. Маму звали Екатерина. И у нее было пятнадцать братьев и сестер. Была большая семья. Кстати, во время войны почти все воевали, что удивительно, даже сестра была одна на фронте, брат ее был минер-разведчик, девять боевых орденов у него было. Значит, отец воевал. Один его брат не воевал, он занимал в Советском Союзе достаточно высокий пост. И два других брата — один был убит во время войны, второй ранен и тоже рано умер. Сестра еще была...

Н.С.: А дедушек, бабушек вы знали?

А.Л.: А?

Н.С.: А с дедушками, с бабушками...

А.Л.: Я бабушку свою одну знал и вторую знал, естественно. Одна бабушка умерла, когда мне было, по-моему, восемь лет, а другая бабушка — когда я был совершенно взрослым уже человеком.

Н.С.: Это мамина или папина?

А.Л.: Папина, Анна Герасимовна. Кстати, удивительно: несмотря на то что она была из благополучной семьи, тем не менее в революции 1905 года участвовала, была даже ранена на баррикадах и до конца жизни хромала. Интересно, как складывается жизнь. Что ее привело на баррикады, неизвестно, но факт вот такой. Участвовала в соответствующем движении.

Н.С.: А как мама получила музыкальное образование? Она на Украине его получала или в Москве?

А.Л.: У нее так получилось, что по материнской линии у всех был природный слух и голос. Почти у всех. И у дяди одного моего был блестящий слух, но он убежал на фронт, когда ему предсказывали прекрасную карьеру музыканта и скрипача. Он в четырнадцать лет убежал на германский фронт, и там ему прострелили руку. Вернулся оттуда в шестнадцать лет с Георгиевским крестом. Но потом его носило по всей стране. При этом он шатался от белых к красным, а окончил в коннице Буденного. И в Белой армии он был. Понимаете, что в шестнадцать лет с человеком происходит? Дядя Яша. Он мне подарил когда-то кинжал, чеченский, по-моему, потому что он принимал участие вместе с Конной армией в подавлении некоторых волнений в определенных местах тогда Советского Союза. А потом стал совершенно спокойным, мирным человеком и председателем большого совхоза на Кубани. Мальчишкой, когда мне было шесть или семь, из голодной Москвы я приехал на Кубань, где было, в общем-то, тогда уже все. Я имею в виду, есть можно было, потому что в Москве-то было голодно. Мы вернулись из эвакуации и поехали на Кубань именно потому, что мать решила меня подкормить немного: когда мы жили в эвакуации, мы жили одно время очень плохо. У нас была только картошка и вода, и больше ничего не было.

Н.С.: А родились вы, естественно, в Москве.

А.Л.: Родился я в Москве, да. Родился я в Москве в сорок...

Н.С.: В тридцать девятом...

А.Л.: Я родился 8 августа 1939 года. Три года своей жизни я не помню совершенно, у меня воспоминаний нет, а с трех лет у меня есть яркие воспоминания. Пятнами, но яркими.

Об эвакуации

Н.С.: Это уже в эвакуации, да?

А.Л.: Это уже в эвакуации. Сталинград помню очень хорошо. По-моему, с 1944-го по 1945-й год в Москву можно было вернуться (вы этого, наверное, не знаете) по специальному разрешению, по пропускам. Москва была такой, зак[рытой]... Во время войны нельзя было из эвакуации просто так приехать.

Н.С.: А где была семья в эвакуации?

А.Л.: Мы жили в далекой татарской деревне. Отец получил орден боевого Красного Знамени, его отпустили, чтобы навестить семью на десять дней. И для того чтобы прийти к нам, он шел сто километров через леса в эту татарскую деревню. И принес швейную машинку. Благодаря этой швейной машинке мы нормально зажили, потому что мать моя была очень энергичная и предприимчивая женщина, она эту машинку обменяла в другой татарской деревне на масло, на муку и на что-то еще. В общем, после этого у нас появилось такое блюдо, до сих пор помню название: шаньги. Это...

Н.С.: Что это такое?

А.Л.: Как бы объяснить? Это типа пончиков, которые жарили на масле, начинали картошкой, морковкой тертой и так далее.

Н.С.: А вы деревню эту помните?

АЛ.: Нет, деревню я не помню. Абсолютно. Я помню только два момента: как я пытался сесть на поезд. А была узкоколейка. Не было железнодорожного сообщения, а узкоколейка. Там где-то лес валяли, это я помню. И очень яркое пятно у меня в памяти — как на один день приехал отец. Яркий солнечный день. Утро. И помню возвращение — возвращение в Москву. Даже некоторые детали, как это все было. Помню, как выглядел Сталинград. Это у меня перед глазами стоит.

Н.С.: А вы ехали через...

АЛ.: Через Сталинград.

Сталинград представлял собой бесконечное почти поле битого кирпича.

И была станция такая, маленькая станция кирпичная, такое здание, и дальше торчали коробки отдельных домов. Это я очень помню хорошо...

Н.С.: А там была остановка большая?

АЛ.: В Сталинграде? Конечно. Когда возвращались, шли из Казани. Мы жили на реке Каме. По Каме — я уже не помню, — по-моему, на пароходе мы возвращались. А в Сталинград уже поездом.

Н.С.: Я имею в виду, там была какая-то длительная остановка...

АЛ.: Два часа.

Н.С.: А, два часа.

АЛ.: Все эшелоны, которые шли в оба конца, останавливались, надо было кипяток налить. Там же как? В вагонах не было, как вы понимаете, никакого обслуживания. На станции мы могли запастись водой и кипятком... Матери бежали с детьми, оставляли детей в вагонах, а сами с бидонами или с чайниками бежали. Кипяток был на всех станциях, на которых поезда останавливались. На всех. Абсолютно. Вот это было организовано. Можно было открыть кран, и оттуда бежал кипяток. Потому что в вагоне-то не было ничего горячего. Но это было очень давно. И еще помню очень хорошо: в Москву можно было въехать, как я вам сказал, по пропуску. Если пропуска не было, из поездов высаживали людей, которые пытались в Москву — война-то еще не кончилась — приехать. Это типа теплушки, похоже на общий вагон, но такой — там части полка не было. Вместе с нами в Москву возвращалась женщина с маленьким ребенком. И когда приходили контролеры, наше отделение ее прятало. Вынимались вещи, подымалась крышка, на которой мы сидели все, и туда, в одно отделение, под одну крышку ложилась женщина, под другую ложился ребенок, или же они ложились вдвоем. Крышка закрывалась, и все... Все садились на нее. Проходили контролеры. Самое интересное, что ребенок не плакал, молчал. А я почему это запомнил, потому что мне очень хотелось сказать, что с нами едет тетя с мальчиком. Хотелось этому дяде-контролеру выдать ужасную тайну. Но мать мне сказала, что она меня так отлупит, если я хоть слово произнесу! Меня это сдерживало. Вот это я помню до сих пор. Обычно эти люди выходили не уже на конечной остановке, а километров за тридцать, а потом пробирались. Потому что на конечной остановке тоже проверяли, нельзя было выйти из вагонов. Но это если возвращались в 1944 году. А мы, по-моему, возвращались в 1944-м.

Очень хорошо помню и День Победы, и как вернулся один мой дядька с фронта. Тоже хорошо помню. Он вернулся не один, а вместе со своими сослуживцами. Я помню, что возвращались с оружием. А сдали они его уже в Москве.

Н.С.: Андрей Николаевич, а про эвакуацию еще что-нибудь помните, про то, как жизнь была устроена, чем мама там занималась?

АЛ.: Конечно помню. Это я помню и знаю.

Н.С.: Это совсем деревня была, да?

АЛ.: Отец мой был военный. Он когда приехал, еще привез аттестат. Были такие аттестаты для семьи военных. Это было очень важно. Но, кроме всего прочего, мать посадила здоровый огород. Земли было сколько угодно, никакой проблемы не было. И на этом огороде потом выросла у нас своя и картошка, и морковка, и чего только там не росло. И уже у нас на зиму были свои овощи, все это было. Мяса-то не было никакого, это понятно.

А потом мы уже получали по аттестату (этого я не помню, а огород помню), по аттестату воинскому мы получали американскую тушенку... А потом карточки были, после войны. 1945 год-то я помню очень хорошо, и 1946 год помню очень хорошо. Помню, как я становился в очередь...

Мы приехали опять в квартиру, которая была на площади Восстания*, никакого высотного дома там не было, как вы понимаете, его построили уже потом. И очень хорошо помню длинную очень очередь, в которую я становился, мать меня туда направляла. В очередях записывали чернильным карандашом номер, чтобы никто без очереди не лез. Там выдавали муку, называлась она крупчатка, сахарный песок и так далее. А в 1946 году я в школу поступил уже.

* Теперь Кудринская площадь

Н.С.: Андрей Николаевич, еще про эвакуацию. Мама там не работала, да?

АЛ.: Мама не работала. У нее было двое детей.

Н.С.: И, соответственно, никакого ни детского сада, ничего...

АЛ.: Нет-нет-нет, конечно нет. Мать мне рассказывала... Мы ведь и туда ехали через Сталинград. В эвакуацию мы ехали через Сталинград. И когда мы переправлялись через Волгу — я этого не помню, — мы лежали на палубе, но мама мне сказала, что разорвалась бомба и женщину с ребенком, которая рядом с нами была, сбросило в воду взрывной волной. Но никто не останавливался. И дальше баржа эта пошла через Волгу, потому что разбомбили бы всех. Кого-то еще там сбросило, но не спасали никого, потому что надо было скорее переправиться. Мы как раз переправлялись во время бомбежек через Волгу. Но я этого не помню, потому что я был слишком мал.

Н.С.: То есть это 1941-й, наверное, да?

АЛ.: Да, это был 1941-й. Это был конец 1941 года. Не конец, что-то типа октября. Знаменитое бегство в Москве 16 октября*, по-моему, я не ошибаюсь? 15—16 октября, когда здесь жгли документы, бог знает, что творилось. Мы в это время еще не эвакуировались, мы позже эвакуировались. Но в Сталинграде теплее, как вы понимаете.

* Имеется в виду «Московская паника», когда 15, 16 и 17 октября 1941 года после принятия постановления «Об эвакуации столицы СССР» распространились слухи, что город сдают немцам.

Н.С.: Угу.

АЛ.: Здесь-то уже холодно было, а в Сталинграде было тепло. И мы как раз, по-моему, в это время через Волгу и переправлялись.

Н.С.: А жили вы где в этой деревне?

АЛ.: Мать говорит, что у нас была замечательная хозяйка, русская женщина (если напрягусь, даже вспомню, как ее зовут), с которой они жили замечательно, дружно. Это была изба, в избе занавеска висела, и мы за той занавеской жили. Я сейчас не помню, как первое время там питание было, но потом, когда огород мать посадила, все было нормально, а потом была знаменитая история, которую я тоже не помню, это мама мне рассказывала, когда у нас пропала картошка в подполе. Это беда, можно было умереть с голоду. Мы ничего, кроме картошки три месяца или четыре вообще не видели.

Н.С.: В смысле зимой?

АЛ.: Да. И вдруг картошка вся пропала. Ничего не было абсолютно. Вся пропала. И мать была в полном отчаянии.

Н.С.: А пропала — в смысле сгнила? Или ее украли?

АЛ.: Нету. Нету картошки. И мать боялась сказать хозяйке, потому что она еще ее плохо знала. Оля, кстати, помнит, как мама это рассказывала. Не помнишь?

О.Ч.: Я помню другое.

АЛ.: Да. И, значит, потом она сказала.

О.Ч.: Я помню, как она концерт там дала.

АЛ.: А, да-да-да. Это я не помню уже. Короче говоря, она сказала хозяйке. Хозяйка очень расстроилась. Была замечательная женщина. Прошло приблизительно два дня, хозяйка открыла еще одну какую-то доску этого подпола и сказала: «Катя, посмотри сюда». Оказалось, что самые лучшие картофелины, самые лучшие, были аккуратно уложены внизу. Это крысы перетаскали все картошки и уложили их про запас для себя. Все эти картошки лежали там. Оторвали доску и возрадовались, что еда есть. Я не знаю, мама что-то мне говорила, но я уже не помню, что она какой-то кон[церт]...

О.Ч.: Я помню, что какой-то праздник был, то ли 1 мая, то ли 7 ноября — был устроен концерт, и она пела.

А вечером она услышала стук в дверь: пришел татарин пожилой и какую-то еду [принес]. Она говорит: «Почему мне?» — «Хорошо пел».

АЛ.: А, да-да-да. «Хорошо пел», да. Именно так. Там работы не было никакой. Там ничего нельзя было делать.

О.Ч.: Перекопала она дорогу. Там дорога проходила, утоптанная земля была. Она ее перекопала и на ней посадила огород. Именно на этой перекопанной дороге.

АЛ.: ...Я уже многое не помню. Она рассказывала, конечно, это все. Но ведь вообще жизнь-то ужасная была. Письма туда не доходили, и не было известно, жив отец, не жив отец...

Н.С.: Там почты не было?

АЛ.: Сто километров он шел пешком.

Н.С.: От Казани? Какой там был город?

АЛ.: Нет, какой Казани! Ну что вы! Место это называлось (теперь я вспомнил) Бондюга. От Бондюги надо было еще в эту деревню идти, очень далеко. В общем, письма стали приходить только потом. А что вы удивляетесь? Вы знаете, что еще тридцать или сорок лет назад, километрах в ста пятидесяти от Москвы были места, где дети в школу в один конец шли три с половиной — четыре часа. Каждый день. Обычно они старались оставаться у каких-то родственников, теток и так далее. Школ не было, автобусов не было, ходили пешком. Мама моего водителя одного — она ходила каждый день пешком четыре часа в один конец. Поэтому удивляться здесь не надо, что почты не было.

Н.С.: А вы каких-то детей из этой деревни помните?

АЛ.: Не помню, нет.

Н.С.: Никого?

АЛ.: Нет-нет-нет. Общение с детьми — это я помню уже в детском саду. Это уже в Москве.

Н.С.: А скажите, все-таки вы там довольно много времени провели, несколько лет, вы там чем занимались?

АЛ.: Ну чем можно заниматься? Вставал и ... шел гулять. Там палисадник был... Скажите, чем занимаются деревенские дети сейчас, которым...

Н.С.: Ну не знаю, родителям помогают. С ровесниками общаются.

АЛ.: Да, наверное, тоже общался.

Н.С.: То есть там были какие-то дети?

АЛ.: Ну конечно! Это была деревня. Конечно, были ровесники. Но воспоминания о тех детях...

Н.С.: А эвакуированных там было много? Или вы не знаете?

АЛ.: Были эвакуированные в деревне. Не мы одни. Но немного. Я знаю точно, что немного. Сама деревня-то была маленькая. Это не то, что большой поселок. Маленькая деревня. Три-четыре семьи туда, наверно, попало. И все, наверно, — мама с ребенком. Вот так приблизительно.

Н.С.: А там вот что-то в этой деревне было — понятно, что не поликлиника, а какой-нибудь фельдшерский пункт...

АЛ.: Не было.

Н.С.: ...или магазин?..

АЛ.: Нет, конечно.

Н.С.: То есть там никакой...

АЛ.: Нет. Это надо были идти куда-то. Я просто знаю, что мать моя потом, когда меняла эту машинку, пошла в большую деревню — идти шестнадцать километров до нее было, там она сменяла машинку на продукты и на санках их привезла. Ночью. А в лесах там (это я знаю точно, это мне потом уже отец сказал)... Это были очень густые камские леса, девственные леса — очень много было дезертиров, прятались, и после войны они еще были. В общем, он, конечно, рисковал. Он шел целый день... ну не день. Он сказал так: он прошел сто километров за двадцать четыре часа. И принес швейную машинку. И переночевал. И следующим днем ушел обратно и отправился на фронт. А обратно — он чуть не умер от голода, потому что, хотя у него был воинский аттестат, нигде не мог отовариться продуктами. Невозможно было. Он потом мне сказал, что его накормил через трое суток начальник какой-то станции. Тогда он, по-моему, был капитаном, окончил войну майором. И начальник станции отоварил ему воинский аттестат. Поесть было нигде нельзя. Это было дикое место. Вы представляете, еще Сталинград — только что бои шли, Сталинградская битва прошла, и идти надо через Сталинград, добираться, в 1944 году. Уже все, там никого нет. Места абсолютно глухие, еще ничего не организовано. Это я просто знаю. Но воспоминания, еще раз говорю, отрывистые.

Н.С.: А какие-нибудь игрушки у вас там были, не помните?

АЛ.: Конечно были.

Н.С.: А какие?

АЛ.: Сделанные из чего-то... Может быть, мать мне что-то привезла. Я, наверно, как все мальчишки, мастерил луки какие-то. Деревня, понимаете? Деревня.

Н.С.: А книжки какие-то были?

АЛ.: Нет. Я не очень рано научился читать. Меня отец уже здесь, когда я приехал... Наши дети и внуки научились читать очень рано.

Н.С.: А мама сказки рассказывала?

АЛ.: Да, конечно. Конечно.

Н.С.: А какие? Не помните?

АЛ.: Нет-нет. Не помню.

Московская жизнь после войны

АЛ.: В общем, год-то был у нас очень голодный, я вот сейчас длинный да и неслабый человек, но в школе до пятого класса я был роста меньше среднего. Я начал расти уже потом. Генетика была заложена, а так, в общем, дети после войны все были не очень сильные, прямо скажем. Все, кто прошел эвакуацию. Мало было людей, которые достаточно комфортно себя чувствовали. Ну и, когда вернулись, карточки были. Но когда мы вернулись, отец мой был офицер, и там было другое у нас положение, уже можно было что-то получить по этим карточкам.

Н.С.: А вы помните квартиру вот свою, в которую вернулись?

АЛ.: А как же!

Н.С.: В смысле этот момент возвращения. Ее никто не занял?

АЛ.: Нет, квартиру никто не занял. У нас была соседка, она жила там, эта соседка. В квартире не было никого, это я знаю точно. Мы приехали и в нее поселились. Как было, так и было.

Н.С.: А бабушка ваша — она...

А.Л.: Бабушка жила вместе с нами.

Н.С.: И она в эвакуацию с вами...

А.Л.: Приехала.

Н.С.: Приехала к вам.

А.Л.: Позднее. Приехала и бабушка, и через некоторое время приехала, если мне память не изменяет, мамина сестра младшая, Паша, вместе с сыном. Это было в 1942 году. И оттуда же ее сын ушел в армию. Ему было семнадцать лет, и он ушел в подводный флот. С 1942 года до конца войны он был подводником. И после войны был подводником, так и вышел на пенсию командиром подводной лодки. Сейчас он умер, конечно.

Н.С.: А возвращались вы уже все вместе из эвакуации?

А.Л.: Да, возвращались мы все вместе, конечно. Моя сестра, бабушка...

Н.С.: А сестра старшая?

А.Л.: Сестра старшая. Мы возвращались все вместе, это точно. Паша ушла на фронт, уехала к мужу. Он был на фронте, она туда уехала. Потому что сын ушел в армию.

О.Ч.: А младший?

А.Л.: Нет, Эдик...

О.Ч.: А Леша?..

А.Л.: Леша с ними мотался по фронтам. Потом они в Австрии были и так далее. Он был на фронте вместе с ними. Но не на передовой, рядом с фронтом были.

Н.С.: То есть там, в деревне, не было ни радио, ничего, никаких новостей вы...

А.Л.: Нет, радио, надо вам сказать, было почти всюду, эта круглая такая штука. Радио провели всюду. Это были тарелки такие... Как это было организовано, я сейчас сказать не могу, но тарелки эти появились. Конечно, не в 1942 году. Они уже появились, наверное, в 1944—1945-м.

Н.С.: Это те, которые на улице.

А.Л.: Да-да-да-да. Конечно. На столбах.

Н.С.: Вы ходили слушать?

А.Л.: На столбах. И так, наверно, слышно было, я так думаю. Я-то не ходил, как вы догадываетесь, да? Меня это не очень интересовало. Все-таки мне было очень мало лет. Я этого не помню.

Н.С.: А когда вы вернулись в Москву, вам уже было пять... шесть, да?

А.Л.: Нет. Сейчас, минуточку, считаем. 1944 год — пять лет, да. И через год я пошел... Нет, я в детский сад пошел сразу. Детские сады были организованы сразу же. Мы приехали в Москву с 1944 года, и в 1944 году в Москве были детские сады. Не было, понятно, никакой очереди тогда. Я ходил в детский сад рядом с домом. Жили мы в пятиэтажном доме. Москва не сильно пострадала от бомбежек, но дом рядом с нами был разрушен бомбой. А наш дом стоял целый. Рядом строили дома пленные немцы. Это я помню очень хорошо.

Я помню, как мы меняли хлеб на игрушки, которые они делали из дерева, как нас гонял конвой. Я помню даже лицо одного немца, помню очень хорошо.

Н.С.: А они к этому времени уже по-русски говорили? Вы с ними как-то объяснялись?

АЛ.: Нет, не очень. Но понимали некоторые команды, которые им давали конвойные. Нет. Они же не общались с населением. Населению было запрещено общаться с ними, запрещено было и немцам общаться. Тем не менее мальчишки на стройку проникали. Я помню, как я обменял кусок хлеба на пистолет, сделанный из дерева. Знаете, такую деревяшку он вырезал. И помню, что когда один раз мы начали другого дразнить немца, он ужасно разозлился. Это я тоже помню очень хорошо. Большинство домов, это большие дома... В частности, на Садовом кольце много домов было построено, рядом с моим домом строились дома. И они высокого качества, между прочим. Никуда не денешься — немцы не могли строить плохо. Они хорошо были построены эти дома, качественно.

Н.С.: А про детский сад что-нибудь помните?

АЛ.: Помню. Про детский сад помню.

Н.С.: Воспитательницу помните?

АЛ.: Воспитательницу не помню. Помню, там был парень, который меня изводил. Он старше меня был. Помню, что я один раз пришел в жуткую ярость, стал его колотить, а потом кто-то за мной из взрослых погнался, я прибежал домой, а мать за меня вступилась.

О маминой музыкальной родне

Н.С.: А мама уже вернулась в театр?

АЛ.: Мама вернулась в театр. Да.

Н.С.: Вы так и не рассказали, музыкального образования [у нее] не было?

АЛ.: Нет-нет. По-моему...

Н.С.: А как она в театр попала?

АЛ.: Пришла — была такая «Свободная опера», — спела, и ее взяли. Или она кончила училище? Нет, по-моему...

О.Ч.: Я тоже не знаю.

АЛ.: Ну Аня же тоже не кончила никакого училища. Она была примадонной. В общем, у нее был большой очень голос. Она ничего не кончала.

О.Ч.: Машка поет в бабушку.

АЛ.: В бабушку, в теток. У одной маминой сестры был даже больше голос, чем у другой, которая была в Париже, в Берлине... Шаляпин ей дарил портреты свои: «Любимой Ане» и так далее. А у другой тетки был голос больше, но она была фантастически ленива. Она в Большом театре была запевалой хора. Ей поручали большие роли, она ни за что не могла выучить роль до конца: не хотела. Зарплата у нее была высокая... голос у нее был очень большой, больше, чем у Ани. Но то же самое, она ничего не заканчивала, я знаю точно. Аня, по-моему, не заканчивала ничего, ты не помнишь?

О.Ч.: Я не знаю, не могу сказать.

АЛ.: По-моему, ничего. По-моему, нет. У Маши способности были, конечно, музыкальные. Кстати, и у Оли мама очень хорошо пела тоже в Большом театре. Ее приняли. У тебя приняли маму?

О.Ч.: Нет-нет-нет. Никуда ее не принимали. Но мама действительно хорошо пела.

АЛ.: Пела, да, голос был.

О.Ч.: Действительно хорошо пела. И даже собиралась как-то профессионально...

АЛ.: Да-да-да, отец...

О.Ч.: Но папа был против. А было уже двое детей, поэтому как-то так...

А.Ч.: Да. А вот мне, не могу сказать, что медведь на ухо наступил, не совсем, но наполовину.

Н.С.: А в каких спектаклях мама пела?

А.Л.: Вообще она была артисткой хора. У нее не было больших ролей. В оперетте она была. В общем, была очень довольна своей жизнью, хотя, наверное, если бы получила образование, было бы лучше. Но у нас дома очень любопытные люди бывали, и концерты очень интересные устраивались. Это я тоже помню.

О знаменитых гостях

Н.С.: А кто бывал дома?

А.Л.: Мама дружила с Таней Саниной*, и Вольская** была, и Рубан*** меня очень любил. Я приходил когда за кулисы, он всегда — не хочу сказать «встречал», но в антрактах со мной говорил, чего-то рассказывал. Он, кстати, был заслуженным артистом республики, любимцем Советского Союза. Его очень любили. Очаровательный мужик, немножко хулиган. Получил как-то выговор по партийной линии за розыгрыш актеров. Например, в спектакле «Сильва», в исключительно патетический момент мог повернуться спиной к зрителям и Сильве сделать страшную рожу, а потом повернуться обратно и петь. А она же лицом к публике, и ее разрывает от смеха, понимаете? И в конце концов на него пожаловались, и он обещал больше так не делать. В общем, мне он очень нравился, очень симпатичный человек был. Были многие другие, из старого поколения, с которыми мама и дружила...

* Таисия (Татьяна) Леонидовна Санина (1923—2011) — артистка оперетты, солистка Московского театра оперетты (1948—1990).

** Вера Георгиевна Вольская — артистка Московского театра оперетты.

*** Николай Осипович Рубан (1913—1987) — певец оперетты, лирический тенор, солист Московского театра оперетты.

О.Ч.: Дора Сокольская*.

А.Л.: Дора Сокольская блестящая, да. Ты ее помнишь? Заслуженная тоже актриса, известная с довоенных еще времен. Она к нам часто приезжала. И многие другие, чего там говорить! Это все у меня на глазах проходило. Я уже был совершенно взрослый.

* Дора Лазаревна Сокольская — певица, артистка Московского театра оперетты.

Н.С.: Андрей Николаевич, а квартира была коммунальная после войны?

АЛ.: Квартира была коммунальная. Мы жили в коммунальной квартире. Мы уже женаты с Олей были, а мама еще жила в коммунальной квартире. У мамы была потом уже с отцом отдельная квартира на Семеновской. Дома нашего уже нет, его снесли. На этом месте построили роскошный большой дом... Я, кстати, помню очень хорошо, как строился высотный дом на площади Восстания.

Н.С.: В 1947-м, да?

АЛ.: Да. На этом месте было старое кладбище Кудринское — Кудринка. Как раз Кудринская площадь это называлось, по ней ходил трамвай. 1946 год: начинается строительство, котлован, разрывают кладбище, мы с черепами бегаем, пугаем друг друга, приносим в детский сад, а потом в класс. Это продолжалось два года. Кладбище просто разрыли, его никуда не переносили, ничего. Уже церковь рухнула, а это — начали копать и вот, оказалось, что так. Высотный дом уже немцы не строили. Если мне память не изменяет, последние, по-моему, чуть ли не в 1949-м пленные были возвращены, за исключением эсесовцев. Эсесовцы оставались до 1952 года (*1955-го — ред.*), в лагерях. Преступники — это другой вопрос. А просто пленные довольно быстро вернулись на родину.

Н.С.: А вы помните День Победы в Москве?

АЛ.: Помню.

Н.С.: А расскажите.

АЛ.: Море огня, обнимают (это все очень хорошо помню), и я бегаю там... Мы же бегали свободно, в общем...

Н.С.: То есть вас выпускали гулять, и вы...

АЛ.: Было только распоряжение со двора далеко не уходить, но это всегда нарушалось. Дело в том, что далеко-то уходить было опасно, потому что мы не могли прийти в другой двор: извините за жаргон, в глаз можно было получить. Драки между дворами — это все было. А 1947 год уже, нельзя сказать, что Москва была спокойным городом. Знаете, там и хулиганство было, и послевоенные эти дела — все было, безусловно.

Похороны Сталина

Я очень хорошо помню, кстати, смерть Сталина. Я там чуть не погиб. Все эти давки недалеко от Трубной площади. Но я к тому времени уже был сильный парень, и я выбрался: на второй этаж по столбу забрался и по проводу через карниз ушел. Ужас был у меня тогда. Я уже дышать не мог. Это вот на спуске мы. Я дошел до спуска, Трубная. Отец чуть в обморок не упал. Он крепкий человек был, но когда он выяснил, что я пошел...

Н.С.: А он тоже пошел, да?

АЛ.: Нет! Он в другом месте в это время был. Отец работал тогда в такой организации «Дальстрой МВД», которая занималась строительством атомных электростанций. Тогда ж создавали атомный проект... Ему было известно, что происходит. Нельзя было по телефону особенно ничего говорить в те времена, люди старались по телефону не болтать лишнее.

Позвонил Виктор Варшавский, помнишь такого (*обращается к Ольге*)? Он позвонил отцу и сказал: «Коля, где дети?» Отец сказал, что я пошел на похороны. А тот ему сказал: «Значит так, имей в виду: я прошел всю войну, а я сейчас работаю как мясник». И повесил трубку. Отец все понял. То есть там были сотни задавленных людей... Это было что-то ужасное. Толпа сдавила.

Н.С.: А с кем вы пошли?

АЛ.: С друзьями. Все остались живы. Кстати, я не помню, Костя был там — или нас всех разъединило потом как-то. Я пробился дальше всех. Я покрепче был. Я прошел, помню даже фамилию, с Козловым. А его оторвало, будем так говорить: толпа разъединилась, его оторвало в боковой переулочек. Там стояли машины, которые разделяли толпу на Трубную. Если человек умудрялся поднырнуть, ему везло. А если он падал, терял сознание, по нему толпа шла, и это был конец.

Ноги можно было поднять, поджать под себя — вы все равно перемещались вместе с толпой. Основная давка

была на Трубной, потому что сверху вся эта толпа спускалась.

Н.С.: Она спускалась со стороны бульвара?

А.Л.: Конечно! Оттуда шло и потом поворачивало туда...

Н.С.: С Чистых прудов, да?

А.Л.: Да-да-да-да. На площади стояли автомобили, в ряд, которые должны были ее разделить, но ничего не вышло. Потом я все-таки домой вернулся. Мы жили на площади Восстания, а заход был вот оттуда, далеко. Это очередь, чтобы пройти до Колонного зала...

Н.С.: А она была откуда? Дальше Чистых прудов?

А.Л.: Конечно! Конечно!

Н.С.: То есть от Таганки...

А.Л.: Да-да-да-да. Это было исключительно далеко. Люди там выстраивались. Они не знали, что дальше происходит.

Н.С.: Андрей Николаевич, давайте еще к детству, к возвращению из эвакуации. Вы же около зоопарка жили?

А.Л.: Да.

Н.С.: А ходили туда?

А.Л.: Конечно. Летом, когда я уже в первый класс поступил, во втором классе и в третьем мы ходили в зоопарк... Нет, во втором нет. Позднее, в четвертом уже. Мы ходили в зоопарк без всяких билетов. Мы там знали одну дырку и перелезали через забор. Это было замечательным занятием. Потом вторая территория была сделана, рядом с планетарием. Кстати, я не знаю, а планетарий-то есть?

Н.С.: Конечно! Его же отреставрировали. Он сейчас...

А.Л.: Я, так сказать, естественно...

Н.С.: ...мультимедийный.

А.Л.: И вторая территория была. Конечно, в зоопарк ходил. Сначала с отцом я ходил, естественно. С мамой я не ходил, с отцом в основном. Отец очень много времени на меня тратил, если оно у него было. Отец, царство ему небесное, был, конечно, подкаблучником во всем, кроме моего воспитания. Вот здесь он маму не слушал абсолютно, она падала в обморок, плакала. Конечно, это было артистично. Но он совершенно спокойно [это воспринимал]... В конце апреля мы могли пойти с ним в лес. Снег еще лежал, а сапог еще резиновых не было, я снимал ботинки, и мы босиком шли по воде, по снегу. Потом останавливались, он меня заставлял растирать ноги, одевал, и я уставал так, что — мы ехали в электричке — я стоя засыпал. Просто засыпал, падал.

Н.С.: А куда ездили?

А.Л.: Мы ездили далеко, тогда так казалось. Такое место есть — Голицыно, знаете? В Голицыно электрички не шли. До Голицыно шел... мне очень нравится (и до сих пор мне кажутся они живыми) паровоз «ИС» («Иосиф Сталин»). Мне они очень нравились. Электричку провели позднее, а мы на этом паровозе ехали, а потом были такие станции: Перхушково, Луговая. Они, наверное, остались, да? Это вообще был край света. Ничего не было. Там были леса, большие, настоящие леса. Потом все застраивали, застраивали и застраивали.

Н.С.: А вы туда просто гулять ездили?

А.Л.: Нет, мы собирали грибы. Мы собирали белые грибы осенью, а ранней весной собирали другие грибы, сморчки и строчки, старинный русский гриб, как вы знаете. Раньше были пироги со строчками сушеными. И я потом спрашивал: «Как же так, строчок же ядовитый! Его надо вываривать!» Потом только понял, в чем дело. Прочел уже в книге, что суш... строчки сушили в русской печи, а в русской печи температура сто сорок градусов, и гельвелловая кислота разрушается при этой температуре. Поэтому пирожки со строчками были абсолютно безопасны, если строчки сушить в русской печи. А по-другому они не высохнут, сгниют. Это замечательный гриб...

О школе

АЛ.: Помню некоторые странные события. Например, третий класс, это 1950 год, даже не 1950-й, а...

О.Ч.: 1949-й.

АЛ.: 1949 год. Учительница наша (помню ее имя-отчество, и ее облик у меня перед глазами), замечательная учительница ведет занятие... Мы все ее очень любили. Потрясающий педагог! Нищета! Не могу передать, в каких условиях она жила. С портфелем одним, в одной юбке проходила все время, что мы там были...

Н.С.: А как ее звали?

АЛ.: Анна Михайловна Караханова. Она спрашивает: «Дети, скажите, пожалуйста, что сегодня за день?» И на первой парте сидит молодой человек, мальчишка, столько же лет, сколько мне, и говорит: «День сталинской...» А с задней парты второгодник, хулиган ему подсказывает: «Проституции». И в 1949 году раздается голос (Костя это помнит): «Сегодня день сталинской проституции». Она вся бледнеет и говорит — я теперь понимаю, какой ужас у нее был в душе: «Мальчик оговорился. День сталинской конституции, конечно. Ты запомни». Ровным голосом, без возмущения. Почему-то я это запомнил на всю жизнь. И только потом осознал, какой это кошмар мог быть: ее бы не было. И этого несчастного мальчишки, который подсказал из хулиганства, тоже б не было. И тот, кто повторил, — тоже бы не было. Ни с кем бы не посчитались. Никуда не пошло, ничего. Как-то мы с моим другом, который сидел рядом со мной за партией, вспоминали, как это было. Удивительно.

Н.С.: А вот послевоенные годы, все эти банды московские и так далее, вы между собой это обсуждали? Как в 1960-е «Мосгаз» был.

АЛ.: Как вам сказать? У нас школа была очень любопытная.

” Уже из восьмого класса у нас двух человек посадили в тюрьму, которые были в бандах. Вместе с тем класс был, я считаю, очень сильный — и по успеваемости, и по всему. Один из школьников-второгодников как-то пришел в школу с пистолетом.

Но это все оставалось внутри мальчишек, понимаете? Мы же учились-то отдельно. Мы соединились с дамской гимназией в девятом классе. До 1954 года обучение было отдельным, мужские и женские школы были. И никаких совместных вечеров. А потом было принято решение, объединили мужские и женские школы.

Н.С.: А все эти истории с бандой «Черная кошка» и так далее, вы это, мальчишки, обсуждали?

АЛ.: Да, конечно.

Н.С.: Да?

АЛ.: Конечно... Кстати, любопытно: мой однокашник и друг, вице-адмирал Минин Вилий Борисович, бывший заместитель командующего Тихоокеанским флотом, который сидел за мной, на задней парте, жил в подвале с окнами, которые выходили на дом Берии. Дом Берии находился во Вспольном переулке.

Н.С.: На Садовой.

АЛ.: Вспольный переулок, да. И мы очень часто из этого окна видели, как он приезжал с охраной. Два раза или три видели, как он выходил. И всякие какие-то нам чудеса рассказывали. А его дядька, который жил в этой же квартире, участник войны, тоже какие-то слова подпускал про Лаврентия Палыча, не боясь. Мы иногда приходили к Виле Минину и видели, как охрана приезжает, иногда кто-то приезжает. Я видел его, живьем видел. И помню, как два раза [он] выходил из машины. Обычно машина заходила внутрь, там такой высокий забор... Не знаю, что сейчас там, кстати. Остался этот дом или снесли его?

Н.С.: Дом остался.

АЛ.: Остался, да? Такой особняк.

О детских играх

Н.С.: А во что вы играли? В «Казачи-разбойники»?

АЛ.: Да. Мы играли и в немцев, конечно, и в партизан, и в разведчиков, и в «Казачи-разбойники»... Во дворе. Мы сами были, без родителей. Хулиганили, конечно. И некоторые хулиганства — мне до сих пор стыдно.

Н.С.: А как хулиганили?

АЛ.: По-всякому. Иногда очень жестоко. Почему-то это было интересно. Была весна, воды было очень много, мы сделали запруду, а потом — что произошло у нас с головой, я не знаю. Мы это огромное озеро, запруду, отвели в подвал. Там жили люди.

Н.С.: Это во дворе была запруда?

АЛ.: Конечно. Там вы знаете как? Внизу были бараки самые настоящие. Деревянные бараки. Дом был, более-менее приличный, еще один дом (кстати, его не разрушили, он стоит), а дальше спуск, очень крутой, с площади... Вот высотный дом стоит, а слева, если встать лицом к нему, очень крутой спуск вниз. Там переулок идет. Туда, к зоопарку.

Н.С.: К Москве-реке.

АЛ.: К зоопарку.

Н.С.: Не слева тогда, а справа.

АЛ.: Если встать лицом с площади Восстания, то слева переулок, и он очень круто вниз спускается. Левее этого переулочка стояли деревянные бараки, в которых жили люди. Там была горка, мы с нее катались на санках. Высокая довольно-таки. Сейчас там дома построены уже, но крутой спуск сохранился. И вот с этого крутого спуска мы спустили ручей в подвал. Нас бы убили, если бы узнали, но никто не выдал. Вот такие хулиганства тоже были. Знаете, дети иногда бывают жестоки, особенно в команду когда собираются... Драки были, и очень серьезные. По-всякому было. В общем, это продолжалось довольно долго, пока не повзрослели.

 Все-таки с нами были взрослые ребята, дети войны, которые войну помнили не так, как я. Они были другими. Слова о том, что война облагораживает человека, — это легенда.

Мне так кажется, понимаете? Кого-то — да. Но люди становятся жестокими и к жестокостям привычными. Вот, а постепенно это все сходило на нет. Я когда рассказываю, что иногда делалось в школах, никто не верит, не могут это себе представить.

Н.С.: А что в школах делалось?

АЛ.: Безобразия тогда были, просто полные безобразия.

Н.С.: Например?

АЛ.: Даже рассказывать не хочу.

Н.С.: Ну интересно же!

АЛ.: Оля училась в благополучной школе. А я учился в неблагополучной школе. Поэтому у нас разные примеры. Например, я помню, как в преподавателя военного дела кто-то бросил сапог дамский. Дамы раздевались, шли на физкультуру, а...

Н.С.: Это уже в старших классах.

АЛ.: Это в старших, да. Вот он преподавал, а в него кидали сапогами. Вот такие вещи были, хулиганские были классы. Так что... Постепенно дисциплина была наведена. По-всякому было. Я, кстати, помню, как дрался во дворе, но там было все честно, там ринг сделали, круг, раунды, и мой отец пришел, увидел, что я дерусь,

и сказал мне, что я должен все раунды выдержать. (*Смеется.*) Потом увел меня с кровавой юшкой. Была объявлена ничья. Но это давно очень было. Давно...

Атмосфера послевоенной Москвы

Н.С.: А вот про «Черную кошку», про которую «Место встречи»...

АЛ.: По Москве это ходило. Мы, мальчишки, это все обсуждали, о чем-то говорили, но я не помню подробно.

Н.С.: А боялись?

АЛ.: Нет, конечно нет. Ну что вы! Это где-то было... далеко. Ну как? Мы ж с этим не сталкивались. Боятся того, с чем сталкиваются. По ночам мы не ходили. А знаменитый 1953 год — вы знаете, как было ликвидировано?.. Это мне отец рассказывал, когда огромное число уголовников приехали в Москву, и в Москве нельзя было выйти вечером. Грабили, убивали, насильовали. Это вот «великая амнистия»*. Она была сделана так, что выпустили прежде всего уголовников, для дестабилизации в стране. Было объявлено чрезвычайное положение, сотрудникам МВД, которые имели военный опыт, мужчинам и женщинам, было роздано оружие, дорогие шубы. Парочки ходили вечером по Москве, и когда к ним подходили, чтобы их ограбить, без предупреждения стреляли в живот. И уголовники через три дня оставили Москву. Где-то это отражено, я не смотрел этот фильм про Одессу... Фильм какой-то был...

* Амнистия 1953 года — попытка реформирования системы ГУЛАГов. 26 марта 1953 года Лаврентий Берия приказал освободить более миллиона человек, что сразу сказалось на криминогенной обстановке страны.

Н.С.: «Ликвидация».

АЛ.: А? «Ликвидация», да. В Одессе то же самое. Когда Жуков туда приехал, то же самое там... Вообще, это называется «провокация». Надо было что-то там [кричать], [стрелять] в воздух... Ничего подобного. Было сказано так: «На поражение». А еще лучше — в живот. Все оставили Москву. Через три дня ни одного уголовника из этих банд не осталось. Это как раз в 1953 году, после смерти Сталина. Помню танки, 1953 год в Москве. Вот это...

Н.С.: Это после смерти Сталина танки?

АЛ.: Да. Как и что было, я помню.

Н.С.: А расскажите.

О.Ч.: Нет, это было, когда Берию...

АЛ.: Да-да-да-да. Тут без подробностей. Я помню, как это все обсуждалось. Но детали уже размылись.

О.Ч.: Я помню очень хорошо, как мы шли с речки в Серебряном бору, и даже помню место, где это слышала. Мы шли, дети...

А.Ч.: Да.

О.Ч.: А сзади шла мама с кем-то, с кем — не помню, и говорят: вот вчера был балет в Большом театре, в общем, какой-то спектакль, и было правительство, а Берии не было.

АЛ.: Да-да-да.

О.Ч.: В общем, это обсуждалось.

АЛ.: Все!

Н.С.: Как все, Андрей Николаевич? У меня еще миллион вопросов!

АЛ.: Какие у вас вопросы?

О маме

Н.С.: Мне, например, интересно, что мама дома готовила?

А.Л.: Мама очень хорошо готовила.

Н.С.: А что? Вот вы вернулись, и...

А.Л.: В зависимости от того, что было. Моей любимой едой тогда были пончики с повидлом. Появился конфитюр в банках пятикилограммовых.

О.Ч.: Это было уже позже.

А.Л.: Позже, да. Почему же нет? Сейчас скажу, 1954 год. 1953-й.

О.Ч.: Но это все позже.

А.Л.: Позже, да. А после войны... В детском саду я ел то, что там давали. Какие-то каши обычно варили. Котлета была, кстати, в детском саду. Это я тоже помню. Но котлета была дохлая. Дома — американская тушенка, потому что отец военным был, и мы получали паек. Да, пироги. Она очень любила готовить всякие с яблоками, пай так называемый. Это я помню очень хорошо, вот эту всю еду. Она ее продолжала готовить, когда я вырос. Хотя пай она уже перестала, по-моему, потом готовить.

О.Ч.: Нет, она всегда делала.

А.Л.: Всегда делала пай?

О.Ч.: Конечно. На мой день рождения всегда привозила пай.

А.Л.: Да-да-да. Это традиционно было. У нас, кстати, домработница появилась. Домработница была замечательная, Нюра, царство ей небесное. Умерла.

Н.С.: А появилась после войны домработница?

А.Л.: После войны, конечно.

Н.С.: А она откуда была?

А.Л.: Из деревни. Потому что в деревне вообще был кошмар. Моя мать устроила... А, вот что я помню! Это вам надо знать. Это очень интересно. Фотография у меня, наверное, есть. 1945-й год. Только что война кончилась. И два мальчишки, Петя и... второго не помню. Значит, у одного — медаль «За отвагу», а у другого — орден и медаль, одному двенадцать лет, второму тринадцать. Какие-то несчастные, голодные, как ни странно. На вокзале. Разговорились с матерью, и мать берет их к себе. Они приходят к нам домой и с этого момента у нас живут. Ни у одного, ни у другого нет никаких родственников. Все родственники погибли. Двое ребят-разведчиков с именным оружием. Кобура. Мать идет с ним в метро, и к нему пристает патруль. И тот ему пистолет не отдает. А патруль требует разрешения. Тот достает разрешение, собирается толпа. Мама мне это, помнишь, рассказывала? *(Обращается к Ольге.)* Собирается толпа. Подходит старший, а этот говорит: «А этот гад... Я всю войну воевал, а он здесь сидел, охранял метро!» *(Смеется.)* Тот жутко разозлился, но подошел старший по чину, отдал честь и сказал: «Товарищи ефрейторы, все в порядке». Короче говоря, мать, используя какие-то свои связи, какие, я уже не помню, устроила и одного, и другого в Суворовское училище. А потом они потерялись полностью.

Н.С.: Они к вам не приходили?

А.Л.: Я предполагаю, у меня гипотеза такая, что в связи с их боевым прошлым их определили в разведшколу ГРУ, и они как бы исчезли для окружающих. Я думаю, что-то в этом роде. Потому что ни один, ни другой... Она писала письма, они обменивались письмами, они появлялись, приезжали к нам в отпуск...

Н.С.: А сколько они у вас прожили?

А.Л.: Месяца три. Пока не определила мама их. Они у нас жили, эти двое ребят. Фотография у меня есть.

Н.С.: Потом с удовольствием перефотографирую.

А.Л.: Только надо найти ее. В материных [бумагах] все есть. Ты видела, по-моему, да? *(Обращается к Ольге.)*

О.Ч.: Я не помню фотографию, но историю эту помню очень хорошо.

АЛ.: Я думаю, что они не отвечали, ни один, ни другой именно потому, что у них была предыстория боевая, а не было ни родителей, никого, и их, наверное, загребли в какие-то спец[подразделения], и уже тогда все пути были отрезаны. Скорее всего, что так. Другого варианта нет.

О послевоенном зоопарке

Н.С.: Андрей Николаевич, а зоопарк не был эвакуирован, то есть вы вернулись, и звери были на месте?

АЛ.: Если бы я знал, где их место было до того, как я уехал! *(Смеются.)*

Н.С.: Я имею в виду, что когда вы в детстве ходили, было большое количество зверей, да?

АЛ.: Нет.

Н.С.: Нет? Мало было?

АЛ.: Значит, был пруд...

Н.С.: Угу.

АЛ.: ...на котором были утки, и плавали лебеди. Были волки, медведи, львы и тигры. А обезьян не было. Обезьяны появились позднее. И обезьяны — мартышки, а большие (шимпанзе и так далее), я думаю, что большинство было отправлено в Сухуми, когда Сухумский физтех был организован, там и испытания атомные были, и так далее... А потом они появились в зоопарке. Обезьянник был сделан, если память мне не изменяет, уже на новой территории, там, где белый медведь.

Н.С.: А слоны?

АЛ.: Слоны были. Слоны были всегда.

Н.С.: Я помню историю...

АЛ.: Слоны были.

Н.С.: ...Веры Чаплиной. Помните? Она работала в зоопарке и написала книжку, которую я в детстве очень любила — «Питомцы зоопарка». Она там описывает историю слона по имени Москвич. Как раз про войну, про эвакуацию — он еще до войны жил в зоопарке и, по-моему, после войны тоже. А чучело его сейчас стоит в Биологическом музее.

АЛ.: В общем, слоны были, это я помню.

Н.С.: А разрешали кормить животных?

АЛ.: Да, кормили. Более того, кормили животных, именно так. Но только каких? Кормили лошадей... Не лошадей — там были бизоны, еще что-то. Слонов вы не могли накормить — там была большая очень яма, нельзя было. Медведям бросали хлеб через ограду. Но, конечно, к тиграм никто не подходил, ко львам, и так далее. А уткам — пожалуйста, ради бога. Но, по-моему, висели вывески «Кормить и дразнить зверей запрещается». Медведям бросали, это я помню: медведи садились и вот так вот делали лапами.

О книгах

Н.С.: А вы, когда вернулись в Москву, научились читать, какие книжки в доме были?

АЛ.: Книжки я хорошие всегда читал. Кстати, я поздно научился читать, я считаю. Я уже стал читать, наверно, во втором классе. Правда, уже свободно. Во втором-третьем классе. Я читал Жюль Верна, сказки читал, взрослые вещи читал, типа «Овода» Войнич, еще что-то. Отец мне хорошую литературу давал.

Н.С.: То есть в доме была хорошая библиотека?

АЛ.: Библиотеки не было.

” У нас дома было тесно, но это было время, когда вы могли прийти в любую публичную библиотеку и читать. Никакой проблемы не было. Библиотеки были везде.

Рядом с нами была библиотека. Школьная была библиотека, кстати. В школе была хорошая библиотека, только там пытались какие-то книжки барахлянные подсовывать, но отец мне говорил: возьми вот эту. Я там брал книжки. У нас большой библиотеки не было, места не было в квартире для этого.

Н.С.: А сколько комнат было?

АЛ.: Две.

Н.С.: Две всего?

АЛ.: Да.

Н.С.: То есть две у вас и еще комната у соседей.

АЛ.: И две, по-моему, у соседей, но маленькие комнаты.

Н.С.: А кто соседи были? Вы с ними дружили?

АЛ.: Нет, одна соседка — мать с ней воевала. Одна соседка была очень вредная. А потом поменялись. Она уехала, приехали замечательные люди: зубной врач она, а он инженер. Царство им небесное. Софья Николаевна и Федор Севастьянович.

О.Ч.: Федор Севастьянович.

АЛ.: Да, Федор Севастьянович. С ними было замечательно, здорово и дружно, и никаких проблем не возникало никогда. Как-то так пришлось, и мы дружили. Но уже я был достаточно взрослый в это время, в седьмом классе, наверно, или в восьмом, что-то в этом роде.

Отношение к Сталину

Н.С.: А почему возникло желание идти на похороны Сталина? Вы его тогда любили? Отец народа?

АЛ.: Да-да-да. Мы все любили. Моя мать любила. А отец его ненавидел.

” Никогда об этом матери не говорил, но, когда он умер, мать моя стала плакать, а отец ей сказал: «Кать, ты особо-то не плачь». — «Коля, что ты говоришь?!» — «Умер величайший тиран мира», — сказал он ей.

И это было первый раз за всю их жизнь, когда он сказал такую вещь, потому что он не то что боялся, а чтобы она где-то не проговорила.

О.Ч.: Насколько я понимаю, Николай Иванович когда работал на строительстве Канала [имени] Москвы все понял. Он там много чего понял. По крайней мере, у меня сложилось такое впечатление.

АЛ.: Что?

О.Ч.: Что Николай Иванович много чего понял, когда строил канал.

АЛ.: Нет, он много понял, когда был еще на Днепрогэсе.

О.Ч.: Ну я-то вот почему-то... про Москву...

А.Л.: Да, и канал тоже. Значит, Днепрогэс... Слушайте, я еще даю вам десять минут.

Н.С.: Все?

А.Л.: Да.

Н.С.: Больше не хотите рассказывать?

А.Л.: Мой отец строил Днепрогэс и Канал имени Москвы. И у него, по-моему, орден Знак Почета. Он у меня здесь лежит, номер пятнадцать. Когда он строил Днепрогэс, его академик Шулейкин, как способного очень выпускника Бауманского института, пригласил к себе в аспирантуру. Вот что он мне сказал: «Я опоздал на поезд на пятнадцать минут и сделал ошибку — вернулся обратно, на стройку. А там, — говорит, — такое началось, о чем я тебе говорить не собираюсь». Говорит: «Для того чтобы хоронить людей, мы разбирали туалеты деревянные, потому что досок даже не было, чтобы похоронить в гробах. И там я и остался уже, не попал в аспирантуру к Шулейкину». А потом Канал имени Москвы, который строили заключенные, как хорошо известно, хотя считается, что основной террор [был] позднее, — нет, ничего подобного. И Беломоро-Балтийский канал, и Канал имени Москвы строили в основном заключенные. Инженеры, конечно, были. Да, он все понимал, все знал...

Н.С.: А мама не понимала?

А.Л.: А мать — нет.

Н.С.: А потом поменяла свою точку зрения?

А.Л.: Ничего не поменял. Как поменял?

Н.С.: Нет, я имею в виду мама. После XX съезда.

А.Л.: Конечно. Не после XX съезда. Раньше. Потому что уже когда наступил 1953—1954 год, стали людей выпускать, отец все рассказал. Уже ситуация изменилась. Мать-то в политике не очень понимала. Революцию-то она пережила, она 1907 года рождения, в 1917 году ей было десять лет, и она помнит и стрельбу, и как ее брат прятался в бочке, он уже был взрослый. И как стреляли по бочкам, чтоб его найти. И как приходили то белые, то красные. Украина! Гуляйполе! И потом она... Фактически они спасались от голода, от знаменитого Голодомора на Украине, поэтому сюда попали. Очень много там людей умерло. Давно это все было. 1930 год. Нет, сейчас мы вспомним. Нансен когда спасал голодающих?

О.Ч.: Нет, это Поволжье.

А.Л.: А, это голодающие Поволжья. Это Поволжье, да, это позднее. Да-да-да.

Н.С.: 1932-й, по-моему.

А.Л.: 1932 год, да-да-да. Именно так. Кстати, как раз Днепрогэс строился, заканчивался.

Н.С.: А где мама с папой познакомились, не знаете?

О.Ч.: Ой, это очень романтическая история!

А.Л.: А я не знаю, где, забыл.

О.Ч.: А я знаю.

А.Л.: Ну-ка, расскажи. Не помню.

О.Ч.: Твой папа долго был холостяком.

А.Л.: Да.

О.Ч.: А Екатерина Викентьева была замужем. Ну вот. И она поехала на юг. И Николай Иваныч тоже был на юге. Но он только ходил и на нее смотрел. Не делал попытки с ней познакомиться, потому что считал, что это какой-то... роман курортный. Это его не устраивало. Я думаю, что это была, с его стороны, во всяком случае, любовь

с первого взгляда. А потом каким-то образом они познакомились в Москве, и он начал за ней ухаживать, но сначала как-то анонимно. Потому что она куда-то с театром ехала на гастроли, а ее ждал букет...

А.Л.: Цветы.

О.Ч.: Цветы. Зимой, например. Что вообще была большая редкость.

А.Л.: Ну да. Он же орденоседец был. Видный мужчина.

О.Ч.: Так что...

А.Л.: А у нее подруга была... Потрясающая подруга у моей матери была, Анна Алексеевна!

О.Ч.: Да, тоже примечательная история: как твой папа повел себя в этой ситуации.

А.Л.: Да.

Н.С.: А что за история?

А.Л.: Анна Алексеевна, ее ближайшая подруга, была замужем за помощником Туполева.

О.Ч.: По вооружению.

А.Л.: Зам по вооружению. Енгибарян. Амик Аветович Енгибарян*, помощник Туполева по вооружению.

* Амик Аветович Енгибарян (1901—1948) — авиаконструктор, специалист по электрооборудованию. Участвовал в создании первых моделей самолетов конструкции А.Н. Туполева.

Кстати, осталась жива чудом, и он. Но он потом умер. Она очень красивая женщина была, очень интересная. Их пригласили на полет «Максима Горького» — самолет этот восьмимоторный, который делала фирма Туполева. Туда были приглашены почетные гости: сорок восемь или пятьдесят человек. И они были в их числе. Она крутилась у зеркала, а он ее ужасно ругал, потому что опоздать по приглашению соответствующих органов, Иосифа Виссарионовича, — смерти было подобно. За это бы не расстреляли, но выгнали бы точно. Они сели в машину (у него была машина) и поехали. Понимали, что опаздывают. И когда подъехали к аэродрому, они увидели, как самолет, на котором они должны были лететь, развалился в воздухе. А разбил этот самолет муж Олиных хороших знакомых Благин, да? Правильно я помню?*

* Имеется в виду катастрофа 18 мая 1935 года, когда самолет «Максим Горький» и сопровождавший его истребитель разбились во всеми пассажирами во время демонстрационного полета.

О.Ч.: Да, папин приятель.

А.Л.: Приятель Олиного отца, сделавший мертвую петлю. Ну, мы отвлеклись. Значит, как вы знаете, всю команду Туполева арестовали, посадили в шарашку. Так вот, один из немногих людей, который приходил к Анне Алексеевне, абсолютно не скрываясь, в военной форме, к ней домой, — был мой отец. Приходил, навещал, чего-то приносил и так далее. И Аня это помнила всю жизнь, и Амик... Но он очень рано умер. После войны. Естественно, даром это проходит. Но Туполев Аню помнил и помогал ей всю жизнь. Так что ситуация такая.